

А. Вамбери

Путешествие по Средней Азии

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

А11 **А. Вамбери**
Путешествие по Средней Азии / А. Вамбери – М.: Книга по Требованию, 2024. – 230 с.

ISBN 978-5-4241-7113-0

Описание поездки из Тегерана чрез Туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, совершенной в 1863 году.

ISBN 978-5-4241-7113-0

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.
I—II.

Предисловіе автора.

ЧАСТЬ I:

<p>ГЛАВА I. <i>Путешествіе въ Персію.</i> Сонъ на лошади. Тегеранъ. Пріемъ въ Турецкомъ посольствѣ. Турція и Персія. Посѣщеніе Европы Феррукъ-Ханомъ. Война между Достъ-Мохаммедъ-Ханомъ и Султанъ-Ахмедъ-Ханомъ. Поѣздка въ Ширазъ</p>	1.
<p>ГЛАВА II. Возвращеніе въ Тегеранъ. Содѣйствіе суннитовъ, дервишей и хаджи въ Турецкомъ посольствѣ. Авторъ знакомится съ караваномъ или съ Татарскими хаджи, возвращающимися изъ Мекки. Различные пути. Авторъ рѣшается присоединиться къ хаджи. Хаджи-Билаль. Представленіе автора будущимъ его спутникамъ. Выборъ дороги черезъ Іомуть и Великую степь</p>	7.
<p>ГЛАВА III. <i>Отъ Тегерана до Каспійскаго моря.</i> Отъѣздъ изъ Тегерана въ сѣверо-восточномъ направленіи. Описаніе членовъ каравана. Вражда между Шитами и Суннитскими хаджи. Мазандеранъ, Зирабъ, Геотенъ. Тигры и шакалы. Сарн, Баратепа</p>	13.
<p>ГЛАВА IV. Баратепа. Разговоръ автора съ однимъ Афганомъ. Нуръ-Улла. Сомнѣніе въ моемъ дервишскомъ званіи. Хаджи приготовляются къ путешествію черезъ пустыню. Афганская колонія. Надиръ-Шахъ. Первое впечатлѣніе на Каспій. Ягубъ, Туркменскій лодочникъ. Талисманъ любви. Отъѣздъ въ Ашуръ-Аде, путешествіе по Каспію, Русская часть Ашуръ-Аде, Русскіе военные суда на Каспійскомъ морѣ. Туркменскій предводитель на Русской службѣ. Опасніе быть узаннымъ. Пріѣздъ въ Гемюштепа и въ устью Гергена</p>	18.
<p>ГЛАВА V. <i>Отъ Каспія до Хивы.</i> Пріѣздъ въ Гемюштепа, гостеприимный пріемъ хаджи. Ханджанъ. Древняя Греческая стѣна. Вліяніе улемовъ. Первая каменная мечеть номадовъ. Татарскіе гайды, Персидскіе рабы. Поѣздка на сѣверо-востокъ Гемюштепа. Татарская невѣста и пиръ. Приготовленіе Хивинскаго кербанбаши къ путешествію черезъ пустыню. Верблюды. Илья-Бекъ, наемщикъ верблюдовъ. Сдѣлка съ Хульханомъ. Туркменская экспедиція на вражу лошадей въ Персію</p>	25.
<p>ГЛАВА VI. Отъѣздъ изъ Гемюштепа. Туркменскія могилы. Непріятное приключеніе съ дикими кабанями. Платежъ на сѣверъ Гемюштепа. Обычаи номадовъ. Туркменское гостеприимство, послѣдній козелъ. Персидскій рабъ. Начало пустыни. Туркменская жена и раба. Этрекъ. Персидскіе рабы. Русскій матросъ. Предполагаемый союзъ Іомутовъ съ Текке. Свиданіе съ кербанбаши. Племя Кемъ. Прощаніе съ Этрекомъ. Афганы затѣваютъ ссору. Описаніе каравана</p>	38.
<p>ГЛАВА VII. Кербанбаши требуетъ, чтобы авторъ не дѣлалъ замѣтокъ. Емдъ-Мегеммедъ и благородство его брата. Вожатый сбивается съ пути. Керентаги, древнія развалины, вѣроятно Греческія. Малый и Большой Балканъ. Древнее русло Оксуса. Вендетта. Страданіе отъ жажды</p>	48.
<p>ГЛАВА VIII. Громъ. Газели и дикіе ослы. Прибытіе на возвышенность Каотанкиръ. Древнее русло. Мирный лагерь. Всадники. Газавать. Въѣздъ въ Хиву. Дукавство Афгана. Свиданіе съ ханомъ. У автора требуютъ обрашника Турецкаго почерна. Почетная одежда, оцѣниваемая человѣческими головами. Ужасная казнь пѣвчихъ. Особая казнь женщннъ. Кунградъ. Последнее благословеніе хана</p>	60.
<p>ГЛАВА IX. <i>Отъ Хивы до Бухары.</i> Отъѣздъ изъ Хивы. Переправа черезъ Аму-Дарью. Жары. Шураханъ. Вазаръ. Станный разговоръ съ Киргизскою женщиной о кочевой жизни. Тююкля. Аламанъ Токке. Караванъ въ испугѣ возвращается въ Тююкля, принужденъ бѣжать въ степь. „Разрушитель жизни.“ Жажда. Смерть верблюдовъ. Смерть одного хаджи. Бурный вѣтеръ. Опасное состояніе автора. Гостеприимный пріемъ Персидскихъ рабовъ. Первое впечатлѣніе „благородной“ Бухары</p>	76.
<p>ГЛАВА X. Бухара. Пріемъ въ Текке, главною глѣзду исламизма. Ракмедъ-Би. Базары. Бага-ѣд-динъ, великій святой Туркестана. Шпіоны осаждаютъ автора. Судьба послѣднихъ путешественниковъ въ Бухарѣ. Книжный базаръ. Болѣзнь червь. Водопроводы. Преніе виры и настоящій. Гаремъ. Привѣтство. Семейство царствующаго вира. Торговля рабами. Отъѣздъ изъ Бухары и посѣщеніе могилы Бага-ѣд-дина</p>	87.
<p>ГЛАВА XI. <i>Отъ Бухары до Самаркандъ.</i> Маленькая степь Чель-Меликъ. Первый взглядъ на Самаркандъ. Хазретн-Шахъ-Зинде, Тимурская мечеть, цитадель (аркъ),</p>	

	Стран.
приемная Тимура, тронъ Тимура и его учителя. Авторъ осматриваетъ теперешнюю могилу Тимура въ подземельѣ. Корабль, приписываемый Осману, секретарю Мохаммеда. Училища, старая обсерваторія, Греко-Армянская книжная торговля. Архитектура общественныхъ зданій. Современный Самаркандъ, его населеніе. Авторъ рѣшается возвратиться. Пріѣздъ, свиданіе автора съ нимъ. Разлука съ хаджи и отъѣздъ изъ Самарканда	101.
ГЛАВА XII. <i>Отъ Самарканда до Герата.</i> До Карши черезъ степь. Номады. Барши, древній Нагзебъ. Торговля и мануфактура. Керли. Аму-Дарья. Бѣглый рабъ. Эрзари-Турмены. Мезари-Шериевъ. Балхъ. Авторъ присоединяется къ каравану изъ Бухары. Рабство. Авдуи. Іекетугъ. Хайрабадъ. Маймене. Аккале	112.
ГЛАВА XIII. Маймене, его политическое положеніе и важность. Правитель-ство. Соперничество Бухары и Кабула. Достъ-Мохаммедъ-Ханъ. Ишанъ-Эйюбъ и Молла-Хальмирадъ. Ханство и крѣпость Маймене. Бѣгле Русскіе преступники. Рѣка Мургабъ и Бала-Мургабъ. Джемшидъ и Аѳганъ. Разорительный тарифъ на товары. Лихомства и дурная администрація Аѳгановъ	123.
ГЛАВА XIV. <i>Герата.</i> Бѣдственное положеніе Герата. Базаръ. Нищета автора. Сердаръ Мехеммедъ-Якубъ-Ханъ. Парадъ Аѳганскихъ войскъ. Свиданіе съ сердаромъ. Поведеніе Аѳганцевъ во время штурма Герата. Визирь Назиръ-Наимъ. Майоръ Тоддъ. Мозалла и могила Султанъ-Гусейнъ-Мираы. Могила Ходжа-Абдулла-Ансари и Достъ-Мохаммедъ-Хана	135.
ГЛАВА XV. <i>Отъ Герата до Лондона.</i> Авторъ ѣдетъ въ Мешгедъ. Кушумъ, послѣдній Аѳганскій городъ. Лошная тревога изъ-за дикихъ ословъ. Спорная почва между Аѳганской и Персидской территоріей. Раздвоеніе дороги. Юсуфъ-Ханъ-Хезара. Феримонъ. Полковникъ Дольмаджъ. Султанъ-Мурадъ-Мирза. Авторъ открываетъ Гератскому сердару. Тегеранъ и встрѣча съ Турецкимъ chargé d'affaires Изманлъ-Эеиди. Радужный приемъ и-ра Алисона и Англійскаго посольства. Свиданіе съ шахомъ. Возвращеніе черезъ Тракезундъ и Константинополь въ Пештъ. Авторъ оставляетъ Хивинскаго муллу въ Пештъ и ѣдетъ въ Лондонъ. Радужный приемъ въ Лондонѣ	143.
ЧАСТЬ II:	
ГЛАВА XVI. <i>Туркмены въ политическомъ и общественномъ отношеніи.</i> Границы и раздѣленіе на племена. Ни правителей, ни подданныхъ. Дебъ. Исламъ. Реформа, произведенная имъ, только внѣшняя. Вліяніе муллы. Постройка кочевыхъ палатокъ. Аламаны. Трусость Персіянъ. Туркменскіе поэты, трубадуры. Свадебный обрядъ. Лошади. Шлотыны, когда и какъ онѣ образовались. Похороны. Нападенія Туркменъ. Общія черты ихъ исторіи. Ихъ политическое и географическое значеніе въ настоящее время	149.
ГЛАВА XVII. <i>Хива.</i> Столица, главное раздѣленіе, ворота и кварталы города; базары, мечети, медресе; какъ они основываются и чѣмъ существуютъ. Полиція. Ханъ и его правительство. Такса, суды. Каналы. Политическое раздѣленіе ханства. Произведенія почвы, мануфактура и торговля, дороги. Населеніе—Узбеки, Туркмены, Каракалпаки, Касаки или Киргизы, Сартъ, Персіяне. Исторія Хивы въ XIX столѣтіи. Ханы и ихъ генеалогія	162.
ГЛАВА XVIII. <i>Бухара.</i> Городъ Бухара, ворота, кварталы, мечети, училища, училище царицы Екатерины, базары. Политическая система. Ханство, жители: Узбеки, Таджики, Киргизы, Арабы, Мервы, Персіяне, Индусы, Евреи. Правительство, различные синовики. Политическое раздѣленіе. Армія. Братскій очеркъ исторіи	179.
ГЛАВА XIX. <i>Коканъ.</i> Жители. Раздѣленіе. Города: Коканъ, Ташкентъ, Ходжендъ, Мерголанъ, Эндиджанъ, Ганети-Турместана, Ушъ. Политическое положеніе. Последнія войны	188.
ГЛАВА XX. <i>Китайская Татарія.</i> Приближеніе къ ней съ запада. Администрація. Жители. Города	
ГЛАВА XXI. Сообщенія Средней Азіи съ Россіей, Персіей и Индіей. Дороги въ трехъ ханствахъ и въ Китайской Татаріи	203.
ГЛАВА XXII. <i>Общее обозрѣніе земледѣлія, мануфактуръ и торговли.</i> Земледѣліе. Разныя породы лошадей, овцы, верблюды, ослы. Мануфактуры. Торговля и коммерческое вліяніе Россіи на Среднюю Азію	211.
ГЛАВА XXIII. <i>Внутреннія и внѣшнія политическія отношенія Средней Азіи.</i> Внутреннія отношенія между Хивой, Бухарой и Коканомъ. Внѣшнія отношенія къ Турціи, Персіи, Китаю и Россіи	216.
ГЛАВА XXVI. <i>Соперничество Русскихъ съ Англичанами въ Средней Азіи.</i> Положеніе Россіи и Англіи въ отношеніи къ Средней Азіи. Успѣхи Россіи на Яксартъ	221—223.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

—

Я родился въ Венгріи, въ 1842 г., въ маленькомъ городѣ Дуна Шердахели, на одномъ изъ большихъ острововъ Дуная. Вслѣдствіе особенной склонности къ лингвистическимъ наукамъ, я въ ранней молодости принялся изучать различныя нарѣчія Европы и Азіи. Прежде всего предметомъ моихъ внимательныхъ изученій были различныя исторіи Восточныхъ и Западныхъ литературъ. Впослѣдствіи я сталъ интересоваться взаимными отношеніями между языками, и неудивительно, что по пословицѣ: *posce te ipsum*, я обратилъ преимущественное вниманіе на свойство и происхожденіе моего роднаго языка.

Что Венгерскій языкъ принадлежитъ племени, называемому Алтаическимъ, это давно извѣстно, но принадлежитъ ли онъ къ Финской или Татарской отрасли—это вопросъ, ожидающій разрѣшенія. Это изслѣдованіе, интересное для насъ, Венгерцевъ *), и въ научномъ отношеніи и съ національной точки зрѣнія, — было главной побудительной причиной моего путешествія по Востоку. Мнѣ хотѣлось опредѣлить, посредствомъ практическаго изученія живыхъ языковъ, положительную степень родства, существующаго, какъ мнѣ казалось, между нарѣчіями Венгерскимъ и Турко-Татарскимъ, когда я рассматривалъ ихъ при слабомъ свѣтѣ, раскрытомъ передо мною теоріей. Я сперва отправился въ Константинополь. Нѣсколько лѣтъ пребыванія въ Турецкихъ домахъ и частыя посѣщенія Исламскихъ школъ и книжныхъ лавокъ скоро преобразили меня въ Турка, даже въ эфенди. Успѣхи моихъ лингвистическихъ изслѣдованій побуждали меня ѣхать дальше на Востокъ. Я рѣшился предпринять путешествіе въ Среднюю Азію и почелъ благоразумнымъ сохранить характеръ эфенди и посѣтить Востокъ въ качествѣ природнаго жителя Восточныхъ странъ.

Предыдущія замѣтки достаточно уяснили цѣль моего странствованія отъ Босфора до Самарканда. Геологическія или астрономическія изслѣдованія не входили въ мою программу и были бы несов-

*) Мнѣніе, что мы, Венгерцы, ищемъ въ Азіи остатковъ нашего племени, никогда не выселившихся отсюда, — ошибочно. Такая цѣль и по этнографическимъ и по филологическимъ причинамъ была бы совершенной невозможностью, могла бы послужить поводомъ къ обвиненію насъ въ грубомъ невѣжествѣ. Мы стремимся только узнать этимологическое строеніе нашего языка, и потому обращаемся за точными свѣдѣніями къ одноплеменнымъ нарѣчіямъ.

мѣстны съ принятымъ мною на себя характеромъ дервиша. Вниманіе мое было по большей части обращено на племена, живущія въ Средней Азіи, на ихъ общественные и политическіе отношенія, нравы, обычаи и привычки. Слабые очерки всего этаго читатель найдетъ на слѣдующихъ страницахъ. Хотя, насколько позволяли обстоятельства и мои предварительныя занятія, я старался не терять изъ виду ничего касающагося географіи и статистики, но я все-таки смотрѣлъ на филологическія изслѣдованія—какъ на главный результатъ моего путешествія. Ихъ я намѣренъ предложить ученому міру послѣ зрѣлаго приготовленія. Эти изслѣдованія, а не факты, собранные на слѣдующихъ страницахъ, составляютъ въ моихъ глазахъ дѣйствительное вознагражденіе за странствованіе, въ которомъ мнѣ приходилось по мѣсяцамъ ходить въ рубищахъ, безъ необходимой пищи, подъ постоянной опасностью погибнуть жестокою, если не мученическою смертію. Меня можетъ быть упрекнуть за излишнюю сжатость и краткость изложенія, но имѣя опредѣленную цѣль, мы не должны терять изъ виду правила: *pop omnia possumus omnes*.

Какъ новичекъ на поприщѣ, на которое меня вводитъ изданіе этаго разсказа, я считаю свою задачу вдвое труднѣе въ странѣ, какъ Англія, столь богатой описаніями путешествій. Цѣль моя была изложить ясно и просто все что я слышалъ и видѣлъ, все что сохранилось отчетливо въ моей памяти. Я сильно сомнѣваюсь въ успѣхѣ и прошу снисхожденія публики. Читатели и критики найдутъ много погрѣшностей и свѣтъ, который я разолью можетъ быть на нѣкоторыя частности, почтется слишкомъ ничтожнымъ сравнительно съ понесенными мною трудами; но я умоляю не забывать, что я возвращаюсь изъ края, гдѣ смотрѣть считается безстыдствомъ, спрашивать преступленіемъ, записывать — смертнымъ грѣхомъ.

Сказаннаго достаточно для уясненія поводовъ и цѣлей моего путешествія. Что касается до слѣдующихъ страницъ, то во избѣжаніе перерывовъ, я раздѣлилъ книгу на двѣ части: первая заключаетъ въ себѣ путешествіе изъ Тегерана въ Самаркандъ и обратно, а вторая посвящена замѣткамъ о географическихъ, статистическихъ, политическихъ и общественныхъ подробностяхъ Средней Азіи. Я надѣюсь, что обѣ части будутъ равно интересны читателямъ, потому во первыхъ, что я ѣздилъ по дорогамъ, на которыхъ еще не была нога Европейца, и во вторыхъ—мои замѣтки касаются предметовъ, только слегка или даже вовсе не затронутыхъ писателями о Средней Азіи.

Лондонъ, 28 сентября 1864 г.

А. Вамбери.

ПУТЕШЕСТВІЕ по СРЕДНЕЙ АЗИИ.

ГЛАВА I.

ПУТЕШЕСТВІЕ въ ПЕРСІИ. — Сонъ на лошади. — Тегеранъ. — Приемъ въ турецкомъ посольствѣ. — Турція и Персія. — Посѣщеніе Европы Феррукъ-Ханомъ. — Война между Достъ-Могаммедъ-Ханомъ и Султанъ-Ахмедъ-Ханомъ. — Поездка въ Ширазъ.

Je marchais et mes compagnons flottaient comme des branches par l'effet du sommeil.—
Victor Hugo, изъ *Omaïah ben Aïedz*.

Путешествовавшіе въ Персію въ срединѣ іюля поймутъ, какъ я былъ радъ окончить переездъ отъ Тавриза до Тегерана. Это разстояніе всего въ пятнадцать или можетъ быть правильнѣе было бы сказать — въ тринадцать станцій каравана: не смотря на то, оно страшно утомительно, когда обстоятельства принуждаютъ тащиться медленно отъ станціи до станціи, подъ палящимъ солнцемъ, сидя на навьюченномъ мулѣ, и не видѣть ничего кромѣ сожженныхъ, бесплодныхъ пространствъ, характеризующихъ почти всю Персію. Какое горькое разочарованіе для того, кто изучалъ Персію только по Саади, Хакани и Гафизу, или еще хуже — составилъ себѣ идеальное понятіе о Востока по прекраснымъ картинамъ: „*Ost-Westlicher Divan*“ Гёте, или по „*Orientales*“ Виктора Гюго, или по великолѣпнымъ описаніямъ Томаса Мура!

Не отъѣхали мы еще двухъ станцій отъ Тегерана, какъ джиглодару *) пришла идея продолжать путешествіе по ночамъ. Но и тутъ оказались неудобства: свѣжестъ ночей въ Персіи чрезвычайно располагаетъ ко сну; мѣрный шагъ животныхъ тоже дѣйствуетъ снотворно и нужно положительно цѣпляться за сѣдло или привязывать себя къ нему веревками, чтобы не быть сброшеннымъ на острые камни. Жители Востока, привыкшіе къ этимъ постояннымъ испытаніямъ, спятъ довольно спокойно на какомъ бы ни было сѣдлѣ и на чемъ угодно: на лошади, верблюдѣ, мулѣ или ослѣ; и меня не мало потѣшало видѣть, какъ высокіе, тощіе, долгополые Персіане вѣдутъ, почти касаясь земли ногами и положивъ головы на затылокъ терпѣливыхъ животныхъ. Въ такомъ положеніи Персіане дремлютъ какъ нельзя лучше и бессознательно про-

*) Тоже что керванбаши: содержатель верблюдовъ, муловъ, ословъ и пр.

взааютъ по нѣскольку станцій. Но въ то время, нужда, мать изобрѣтательности, еще не надѣлила меня необходимой опытностью, и пока большая часть моихъ спутниковъ вѣхали себѣ преспокойно, качаясь на сѣдлахъ въ сладкой дремотѣ, мнѣ оставалось только предаться всецѣло внимательному созерцанію Керванкуша или Первинса (Плеядъ); и я съ невыразимой тоской смотрѣлъ на край, откуда Сюгейль (Канопъ) и Ситарей-Сюбгъ (утренняя звѣзда) должны были возвѣститъ начало дня, приближеніе станціи и конецъ нашихъ мученій. Не удивительно, что я былъ близокъ къ состоянію полуразваренной рыбы, когда въ іюлѣ 1862 г. приближался къ столицѣ Персіи. Мы остановились въ двухъ англійскихъ миляхъ на берегу ручья, чтобы напоить нашихъ животныхъ. Остановка разбудила моихъ товарищей, они принялись протирать сонные глаза и указывать мнѣ на Тегеранъ, лежавшій передъ нами на сѣверо-востокъ. Я посмотрѣлъ и увидѣлъ въ этомъ направленіи синеватый дымъ, поднимавшійся длинными струйками вверхъ; мѣстами сквозъ дымъ видѣлись очертанія свѣтлыхъ куполовъ; наконецъ туманный покровъ исчезъ совершенно и я, какъ выражаются Персіяне, имѣлъ удовольствіе узрѣть передъ собою Дарюль Хилафе или мѣсто-пребываніе верховной власти—во всей его жалкой наготѣ.

Я въѣхалъ черезъ деравъ (ворота), но вѣроятно не скоро забуду препятствія, которыя мнѣ пришлось преодолѣть для продолженія себѣ пути. Ослы, верблюды и мулы, нагруженные ячменной соломой и тюками съ персидскими и европейскими товарами, тѣснились у въѣзда въ ворота въ самомъ страшномъ безпорядкѣ. Подложивъ ноги подъ себя на сѣдло и крича изо всѣхъ силъ, такъ же какъ и сосѣди мои: „Кабердаръ! кабердаръ!“ (берегитесь) мнѣ наконецъ удалось пробраться въ городъ, послѣ немалыхъ усилій. Я проѣхалъ черезъ базаръ и добрался до дома Турецкаго посольства, не получивъ ни одного серьезнаго поврежденія ни отъ давки, ни отъ ударовъ. Казалось бы, что было дѣлать въ Турецкомъ посольствѣ Венгерскому уроженцу, посланному Венгерской академіей съ ученою цѣлью въ Среднюю Азію? Это объяснено въ предисловіи, на которое я почтительно обращаю вниманіе читателей, не смотря на то, что принято считать всѣ предисловія и введенія скучными и ненужными.

Съ Гайдаръ Эфенди, представителемъ порты при Персидскомъ дворѣ, я познакомился еще въ Константинополѣ. Онъ былъ прежде посломъ въ Петербургъ и въ Парижъ. Но кромѣ личнаго знакомства съ нимъ, у меня были къ нему письма отъ его лучшихъ друзей; и рассчитывая на испытанное не разъ гостепріимство Турокъ, я былъ увѣренъ въ хорошемъ приѣмѣ. Потому я смотрѣлъ на Турецкое посольство, какъ на вѣрное пристанище въ будущемъ, и такъ какъ эти господа имѣютъ обыкновеніе на лѣто уѣзжать въ Джизеръ (въ двѣнадцати верстахъ отъ Тегерана), то я переодѣлся и отдохнувъ нѣсколько часовъ, чтобы вознаграждать себя за безсонныя ночи, сѣлъ на осла, нанятаго для поѣздки за городъ, и черезъ два часа былъ у эфенди, въ великолѣпной шелковой палаткѣ, въ которой уже готовились сѣсть за обѣдъ, казавшійся мнѣ необыкновенно изящнымъ и привлекательнымъ.

Приѣмъ со стороны посланника и секретарей его былъ какъ нельзя болѣе радушенъ: мнѣ очистили немедленно мѣсто за столомъ и черезъ нѣсколько минутъ мы пустились разсуждать о Стамбулѣ и его прекра-

сныхъ видахъ, о султанѣ и его образѣ правленія. Ахъ! какъ освѣжительно дѣйствуетъ въ Тегеранѣ воспоминаніе о Восфорѣ! Что удивительнаго, что въ разговорѣ дѣлались частыя сравненія и между Персидскимъ и Турецкимъ образомъ жизни?

Для человѣка, легко поддающагося первымъ впечатлѣніямъ, Иранъ, тема столькихъ поэтическихъ восторговъ, въ сущности ничто иное какъ ужасающая пустыня, между тѣмъ какъ Турція въ самомъ дѣлѣ земной рай. Я признаю въ Персіянахъ вѣжливость, приѣмъ, находчивость и остроуміе, чего недостаетъ Османли; но отсутствіе этихъ свойствъ въ Османли съ избыткомъ вознаграждается честностью и благороднымъ примодушіемъ, чѣмъ не могутъ похвалиться ихъ соперники. Персіяне могутъ похвастать поэтической организаціей и древней цивилизаціей. Превосходство Османли доказывается ихъ вниманіемъ къ Европейскимъ языкамъ и стремленіемъ усвоить себѣ изслѣдованія Европейскихъ ученыхъ по химіи, физикѣ и исторіи.

Мы разговаривали до поздней ночи. Слѣдующій день былъ посвященъ представленіямъ другимъ Европейскимъ посланникамъ. Я нашелъ графа Гобино, императорскаго посла, въ маленькой палаткѣ въ саду, гдѣ было жарко, какъ въ котлѣ. Г. Алисонъ оказался болѣе комфортабельно помѣщеннымъ въ саду Гюлагекъ. нанимаемомъ для него его правительствомъ. Онъ былъ очень любезенъ. Я имѣлъ часто случай, за его гостепріимнымъ столомъ, изучать вопросъ, отчего Англійскіе послы всюду отличаются въ семьѣ дипломатической — комфортомъ и роскошью своего образа жизни? Въ дополненіе къ Европейскому дипломатическому корпусу, я нашелъ тогда въ Тегеранѣ нѣсколько офицеровъ Французскихъ или Итальянскихъ, одного Австрійскаго инженера, фонъ Гастейгера, всѣхъ на службѣ у шаха, съ значительными окладами. Какъ я слышалъ, эти господа явились съ полною готовностью быть полезными и обладая всѣми необходимыми для этаго качествами; но всѣ ихъ попытки нейтрализуются совершенно систематическимъ недостаткомъ системы, характеризующимъ Персію, и низкими, тайными интригами Персіянъ.

Цѣль дипломатическаго путешествія Феррукъ-Хана по Европѣ была въ сущности та, чтобы показать нашимъ кабинетамъ, какъ Иранъ горячо принимаетъ къ сердцу вопросъ о включеніи его въ группу благоустроенныхъ государствъ. Онъ просилъ помочь ему ввести въ его страну какъ можно скорѣе — чудотворный эликсиръ цивилизаціи. Вся Европа вообразила, что Персія готова принять всѣ европейскія начала и обычаи. Такъ какъ у Феррукъ-Хана была длинная борода, ходилъ онъ въ длинной одеждѣ и высокой шапкѣ, что придавало ему очень почтенный видъ, то наши министры по простодушію своему возымѣли къ нему неограниченное довѣріе. Изъ уваженія къ правительству, въ Персію начали стекаться толпами офицеры, артисты и ремесленники. Потомъ надобно было отдавать визиты чрезвычайному послу Шаха. Вслѣдствіе этаго Бельгія, съ немалыми издержками, отправила въ Персію посланника для изученія ея торговли, для заключенія торговыхъ трактатовъ и для другихъ безчисленныхъ штукъ политики. Онъ пріѣхалъ и я не думаю, чтобы его первое донесеніе могло начаться съ „Veni, vidi, vici“, или что ему хоть сколько нибудь захочется повторить визитъ въ „la belle Perse“. За Бельгіей явилась Пруссія. Ученый

дипломатъ, баронъ фонъ Минутоли, посвятилъ всю свою жизнь этому новому назначенію. Жажда науки побудила его начать съ южной Персіи и въ двухъ дняхъ разстоянія отъ „Небеснаго Ширази“, какъ его называютъ Персіане, онъ палъ жертвой зачумленнаго воздуха и теперь покоится въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Гафиза, сзади Баги-Тахта.

Черезъ нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда, прибыло посольство изъ новаго Итальянскаго королевства, состоящее изъ двадцати чело-вѣкъ, раздѣленныхъ на дипломатическій, военный и научный отдѣлы. Цѣль ихъ навсегда осталась для меня тайной. Я могъ бы не мало чего сообщить объ ихъ пріемѣ, но предпочитаю отложить эти подробности до болѣе удобнаго случая и заняться исключительно приготовленіями, предпринятыми мною для собственнаго моего путешествія.

Благодаря доброй внимательности друзей моихъ въ Турецкомъ посольствѣ, я былъ въ положеніи, вовсе не соответствующемъ характеру нищенствующаго дервиша, который я избралъ для себя; комфортъ, которымъ я пользовался, опротивѣлъ мнѣ до нельзя и мнѣ хотѣлось бы лучше, послѣ десяти-дневнаго отдыха въ Тегеранѣ, продолжать путь до Мешгеда и Герата; но явились препятствія, которыхъ я давно боялся. Еще до отъѣзда нашего изъ Константинополя, пресса возвѣстила о войнѣ, объявленной Достъ-Могаммедъ-Ханомъ его зятю и бывшему вассалу Гератскому, Султанъ-Ахмедъ-Хану, за то что тотъ измѣнилъ присягѣ, данной тестю, и подчинилъ себя покровительству Персидскаго шаха. Мнѣ казалось, что наши Европейскія газеты преувеличиваютъ это дѣло, и я не придавалъ ему того значенія, которое оно въ самомъ дѣлѣ заслуживало. Я считалъ всѣ затрудненія недѣйствительными и пустился въ путь. Но скоро, на разстояніи тридцати двухъ дней пути отъ сцены войны, я узналъ изъ несомнѣнныхъ источниковъ, къ крайнему своему сожалѣнію, что война въ этихъ краяхъ дѣйствительно прервала всѣ сношенія и что съ началомъ осады ни караваны, ни одиночные путешественники не могли ни пройти въ Гератъ, ни выйти изъ него. Сами Персіане не осмѣливались рисковать жизнью своею и товарами, а еще гораздо больше причинъ опасенія было бы для Европейца: иноземный черты лица его, въ этихъ дикихъ странахъ Азіи, даже въ мирное время возбуждали бы въ жителей Востока недоувѣрчивость, а въ военное могли бы навлечь на него серьезныя непріятности. Казалось, что если бы я рѣшился отправиться туда, я былъ бы безъ церемоніи изрѣзанъ Афганями. Я принялся обдумывать свое настоящее положеніе и убѣдился въ невозможности, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, продолжать путешествіе при такихъ условіяхъ; и чтобы не быть застигнутымъ зимою въ пустыняхъ Средней Азіи, я немедленно рѣшился отложить путешествіе до слѣдующаго марта, когда у меня будетъ впереди самое лучшее время года: можетъ быть къ тому времени, думалъ я, прекратятся и существующія теперь политическія отношенія, отрѣзывающія всякое сообщеніе съ Гератомъ—воротами Средней Азіи. Я примирился съ этой необходимостью не раньше начала сентября. Очень понятно, какъ мнѣ было непріятно провести пять или шесть мѣсяцевъ въ странѣ, имѣвшей для меня только второстепенный интересъ и о которой въ послѣднее время появилось столько прекрасныхъ описаній. Что мнѣ было дѣлать? Я расстался съ своими гостепріимными Турецкими друзьями, нарядился полу-дервишемъ и отпра-

вился черезъ Испагань въ Ширазъ,—не съ серьезной цѣлью изученія Персіи, но для того, чтобы избѣгнуть праздности, которая могла бы быть пагубной для моихъ дальнѣйшихъ видовъ. Такимъ образомъ я имѣлъ удовольствіе посѣтить всѣмъ извѣстные памятники древней цивилизаціи Ирана.

ГЛАВА II.

Возвращеніе въ Тегеранъ. — Сожиданіе суннитовъ, дервишей и хаджи въ Турецкомъ посольствѣ. — Авторъ знакомится съ караваномъ или съ Татарскими хаджи, возвращающимися изъ Мекки. — Различные пути. — Авторъ рѣшается присоединиться къ хаджи. — Хаджи Билаль. — Представленіе автора будущимъ его спутникамъ. — Выборъ дороги черезъ Юмуть (Yomuts) и Великую стѣну.

Парома придерживались правила не пропускать иностранцевъ черезъ свои владѣнія. Геревъ. Руководство къ древней Исторіи.

Около половины января 1863 г. я очутился опять въ Тегеранѣ и на гостепріимномъ попеченіи моихъ Турецкихъ благодѣтелей. Во мнѣ совершилась перемѣна: нерѣшимости какъ не бывало, я хотѣлъ вѣхать во что бы ни стало и спѣшилъ приготовленіями. Въ Турецкомъ посольствѣ есть старинное обыкновение выдавать небольшія субсидіи хаджи и дервишамъ, которые ежегодно проходятъ въ значительномъ числѣ черезъ Персію въ Турецкую имперію. Это чисто дѣло благотворительности въ отношеніи несчастныхъ Суннитскихъ нищихъ въ Персіи, которымъ Персіяне-Шіиты никогда не даютъ ни фартинга. Слѣдствіемъ этого было то, что въ посольскій домъ стекались пришельцы изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ Туркестана. Мнѣ было чрезвычайно пріятно видѣть этихъ дикихъ, оборванныхъ Татаръ въ своей комнатѣ. Они могли сообщить мнѣ положительныя свѣдѣнія о своемъ краѣ и бесѣды съ ними имѣли чрезвычайную важность для моихъ филологическихъ занятій. Они съ своей стороны были удивлены моей пріятливостью, разумѣется не имѣя понятія о томъ, что было у меня въ виду. Скоро по каравансераяу, къ которому всѣ они принадлежали, разнесся слухъ, что у Гайдаръ-Эфенди, посланника султана, — великодушное сердце; что Решидъ-Эфенди (это было имя, которое я себѣ присвоилъ) обходится съ дервишами, какъ съ братьями; что онъ вѣроятно самъ переодѣтый дервишъ. Такъ какъ слухи эти занимали народъ, то не удивительно, что дервиши, прибывавшіе въ Тегеранъ, приходили сперва ко мнѣ, а потомъ къ послу: послѣдняго не всегда можно было видѣть, а во мнѣ они находили — готовый способъ получить свои оболочки или удовлетвореніе своихъ другихъ желаній.

Такимъ образомъ 20 марта пришли ко мнѣ четыре хаджи съ просьбой представить ихъ султанскому послу, потому что имъ хочется пожаловаться на Персіянъ, которые на возвратномъ пути изъ Мекки, въ Гамаданѣ, взяли съ нихъ Суннитскую подать — взиманіе которой не

только не одобряется Персидскимъ шахомъ, но давно уже запрещено султаномъ. Здѣсь необходимо замѣтить, что добрые Татары думаютъ, что весь міръ обязанъ повиноваться главѣ изъ религіи, султану. (*)

„Мы не просимъ денегъ у его свѣтлости посланника, говорили они, мы просимъ только о томъ, чтобы впередъ нашимъ Суннитскимъ братьямъ можно было безпрепятственно посѣщать святыя мѣста.“ Такое безкорыстіе въ жителѣ Востока очень удивило меня. Я сталъ всматриваться въ грубыя черты своихъ гостей и признаюся, не смотря на то, что по наружности они казались совершенными варварами, что одѣты они были прескверно, я нашелъ въ нихъ что-то честное, открытое и съ первой минуты расположился въ ихъ пользу. Я долго разговаривалъ съ ними, спрашивалъ подробно объ ихъ товарищахъ, о дорогахъ, которою они ходятъ въ Мекку, и о томъ, куда они намѣрены отправиться изъ Тегерана. Говорилъ по большей части одинъ изъ партіи — хаджи изъ Китайской Татаріи (называемой также Малой Бухарой), прятавшій рубище подъ новымъ, зеленымъ джуббѣ (верхней одеждой), съ огромной бѣлой чалмой на головѣ, гордымъ взглядомъ и быстро-подвижными глазами, выказывавшій свое превосходство надъ остальными товарищами. Сообщивъ мнѣ, что онъ придворный имамъ Ванга (Китайскаго губернатора), изъ Аксу (провинціи Китайской Татаріи), уже дважды посѣщавшій святыя мѣста — и потому хаджи вдвойнѣ, — онъ познакомилъ меня съ своимъ другомъ, сидѣвшимъ возлѣ него, и объяснилъ, что всѣ присутствовавшіе — предводители маленькаго каравана хаджи, заключающаго въ себѣ двадцать четыре члена. „Наше общество, сказалъ ораторъ, состоитъ изъ молодыхъ и старыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, людей благочестивыхъ, ученыхъ и мірянъ; всѣ мы живемъ чрезвычайно просто, потому что всѣ мы изъ Коканда и Кашгара и между нами нѣтъ Бухарцевъ, нѣтъ ехиднъ этой породы.“ Враждебныя отношенія Узбеговъ (Татаръ) Средней Азіи къ Таджикиамъ (древнимъ Персидскимъ жителямъ) были мнѣ извѣстны еще прежде, потому я слушалъ ихъ, не дѣлая никакихъ замѣчаній, и ограничивался только распросами о планѣ ихъ дальнѣйшаго путешествія.

„Изъ Тегерана домой, говорили Татары, намъ четыре пути: во первыхъ черезъ Астрахань, Оренбургъ и Бухару; во вторыхъ черезъ Мешгедъ, Герать и Бухару; въ третьихъ черезъ Мешгедъ, Мервь и Бухару; въ четвертыхъ черезъ Туркоманскія пустыни, Хиву и Бухару. Первые два пути очень дорого стоятъ и Гератская война тоже препятствіе не маловажное; послѣдніе два, правда, очень опасны, — но не смотря на то, мы должны избрать одинъ изъ нихъ и обращаемся къ вашему дружескому совѣту.“

Мы разговаривали уже около часа. Нельзя было не полюбить ихъ откровенность, и не смотря на странныя черты, изобличавшія ихъ иноземное происхожденіе, на бѣдное платье и безчисленные слѣды, оста-

*) По мнѣнію всѣхъ Суннитовъ, законный каліфъ (преемникъ) Могаммеда — тотъ, кто владѣетъ безцѣннымъ наслѣдіемъ, которое заключаетъ въ себѣ: во 1-хъ, всѣ мощи, хранящіяся въ Стамбулѣ, въ Гиркаи-Сидѣ, а именно: часы, бороду и зубы пророка, потерянные имъ въ одномъ сраженіи; предметы одежды, коранъ и оружіе, принадлежавшіе первымъ четыремъ каліфамъ; во 2-хъ, обладаніе Меккой и Мединою, Іерусалимомъ и другими мѣстами палgrimства, посѣщаемыми мусульманами.